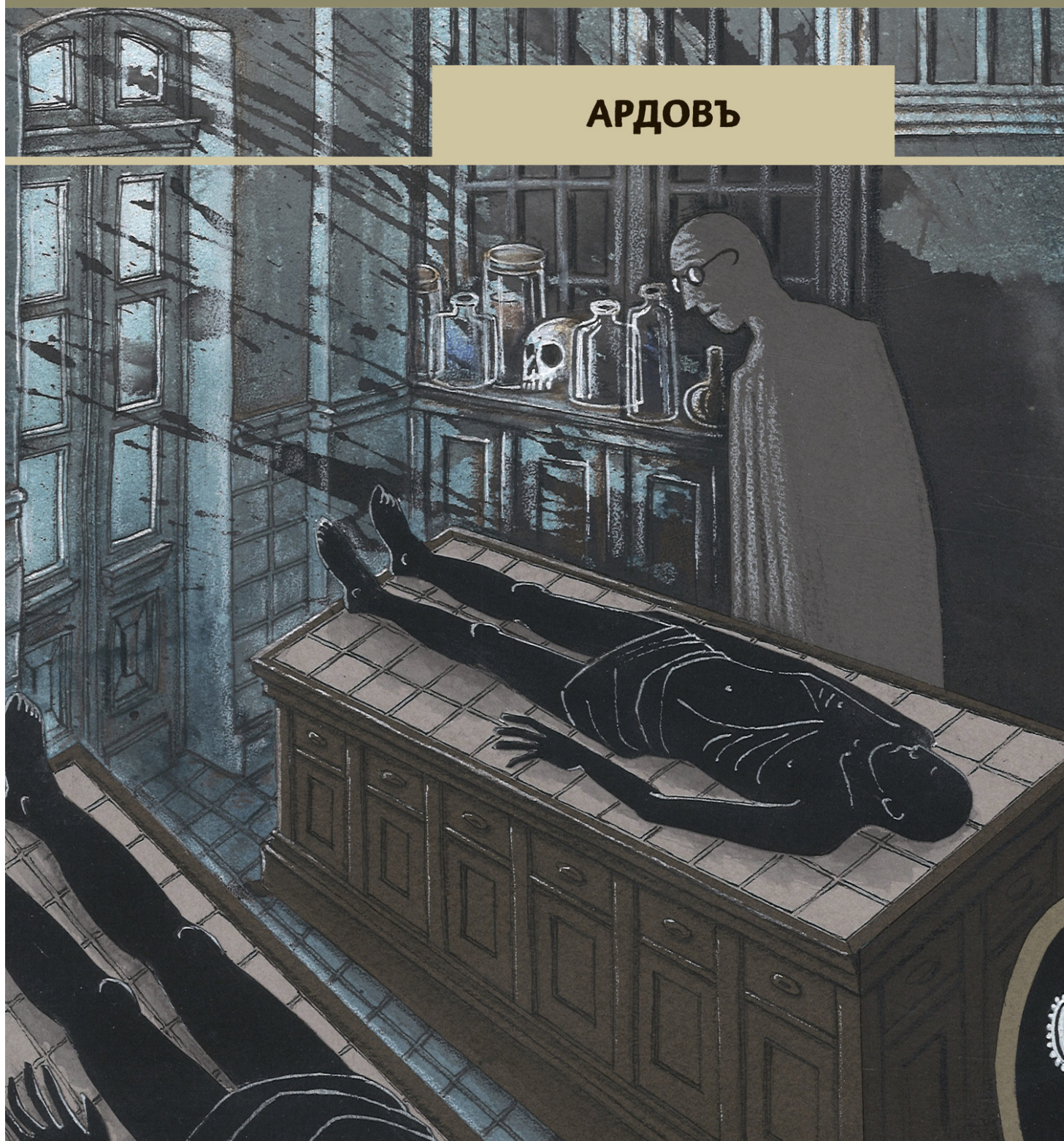

Игорь Лебедев

ЗМЕИНАЯ ГОЛОВА

АРДОВЪ

Сыщикъ Ардовъ

Игорь Лебедев

Змеиная голова

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лебедев И. Г.

Змеиная голова / И. Г. Лебедев — «Эксмо», 2019 — (Сыщикъ Ардовъ)

ISBN 978-5-04-103557-0

Завораживающий ретродетектив идеально сохраняет и развивает традиции произведений Бориса Акунина о похождениях сыщика Фандорина. Молодой сыщик Илья Ардов, обладающий феноменальной памятью, расследует весьма странное происшествие: в кабинете коммерции советника Касьяна Костоглода вдруг объявилась голова хряка. Чья-то глупая выходка? Или таинственный знак? Череда необъяснимых, с виду никак не связанных смертей вынуждает Ардова радикально изменить направление поиска. Удастся ли ему обыграть невидимого противника? Шансов почти никаких – таинственный игрок необычайно хитер, жесток. И он останется в тени до тех пор, пока Ардов жив. Других вариантов нет. Что ж, значит, придется пожертвовать собой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103557-0

© Лебедев И. Г., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1. Труп в Демидовом переулке	6
Глава 2. «Пять шаровъ»	9
Глава 3. Поручение	13
Глава 4. У Костоглота	16
Глава 5. СК	18
Глава 6. Концессионный договор	22
Глава 7. Костя Данго	25
Глава 8. Письмо	29
Глава 9. «Аквариумъ»	31
Глава 10. Деловое предложение	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Игорь Лебедев

Змеиная голова

© Лебедев И.Г., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1. Труп в Демидовом переулке

Из утреннего тумана, затекавшего в Демидов переулок с Екатерининского канала, где под мостом угрюмые катальи¹ с воспаленными глазами на черных лицах разгружали баржи с углем, вынырнули две фигуры.

– Вы помните, какая надпись была на конверте старика Карамазова? – продолжил разговор невысокого роста коренастый джентльмен в мятом оливково-коричневом костюме с потертым саквояжем в руке. Это был криминалист Жарков.

– Конверте? – задумчиво переспросил спутник, делая медленный осторожный вдох: к туману явственно примешивался зловонный дымок со свалки за городскими бойнями по Забалканскому проспекту, где не переставая курились отбросы. Это был Илья Алексеевич Ардов, чиновник сыскного отделения третьего участка Спасской части. Он заступил на службу немногим более месяца назад, но, несмотря на молодость, уже сумел раскрыть несколько прелюбопытнейших преступлений, за что полицмейстеры ставили его в пример участковым приставам.

– Да-да, конверте канцелярских размеров, из толстой бумаги, с тремя печатями красного сургуча, – нетерпеливо подтвердил Жарков – он обожал выискивать просчеты коллег в литературных произведениях. – Его нашли на полу за ширмами, у кровати. Денег там уже не было, их забрал Смердяков.

Ардов мысленно полистал «Братьев Карамазовых» и раскрыл перед внутренним взором на странице 164.

– «Гостинчик в три тысячи рублей ангелу моему Грушеньке, если захочет прийти», – прочитал он невидимый никому, кроме него, текст. Это было его особое умение – без труда вызывать в памяти любое обстоятельство, свидетелем которого он когда-либо являлся. Такое свойство было даровано Ардову от рождения, но особое значение оно приобрело с поступлением на должность сыскного чиновника: способность вернуться в своих воспоминаниях на место преступления и детально рассмотреть обстановку частенько приводила к открытию новых улик, позволявших если и не изобличить тут же преступника, то по крайней мере нащупать верную нить расследования. Именно этот феномен в короткий срок сделал Илью Алексеевича легендой петербургской полиции.

– Как вы понимаете, при нанесении надписи на конверт должны были продавливаться волокна лежащих внутри купюр. Обычным глазом этого, конечно, не различить. Но знаете ли вы, что недавно физик Роберт Вуд применил инфракрасную фотографию для чтения выцветшей от времени надписи?

Жарков нетерпеливо хохотнул, ожидая от коллеги восторженной реакции. Ее не последовало.

– Осветив купюры ультрафиолетовым светом, мы без труда обнаружили бы оставленный «автограф», – продолжил Петр Павлович. – Следовательно, мы получили бы неоспоримое доказательство того, что это «те самые» три тысячи. Это, в свою очередь, позволило бы установить настоящего преступника.

– Вот как? И кто же это? – без особого энтузиазма поинтересовался Ардов, понимая, что этот вопрос требуют от него задать правила учтивости.

– Конечно, Алеша! – выкрикнул Жарков и от возбуждения даже почесал себе в волосах.

– Потрясающе, – согласился Илья Алексеевич все тем же ровным тоном.

---

¹ Грузчики с тачками.

Они подошли к арке, перед которой томился рыжебородый околоточный надзиратель Свинцов. У его ног в сточной канаве лежал бездыханный мужчина крепкого телосложения. После краткого приветствия Жарков попросил околоточного сообщить имеющиеся сведения.

– Извольте видеть, Петр Палыч – мертвяк! – с готовностью доложил Свинцов.

– Ну это уж как водится, – пропыхтел Жарков и опустился на корточки для осмотра.

– Обнаружил городской Пампушко, – продолжил доклад околоточный и дал знак подойти ожидавшему чуть поодаль подчиненному. Жарков бросил быстрый взгляд на сапоги городского и досадливо кивнул на множество отпечатков ног вокруг труп:

– Что ж вы, любезный, не иначе как помпадур здесь танцевали? Как прикажете следы искать?

– Виноват, ваше благородие, – бодро отозвался Пампушко. – Проверял, не дышит ли.

– И как?

– Не дышит.

– Еще бы он дышал с таким проломом, – вставая, пробормотал Жарков. – Череп, считай, раскроен. Удар твердым тупым предметом с ограниченной поверхностью сферической формы в область правого глаза...

У мертвеца действительно было сильно смято лицо. Глаз вытек.

– Надрался, не иначе, да с тумбой и познакомился. – Свинцов кивнул на торчащий из земли покосившийся гранитный столбик с закругленным верхом – его поверхность через увеличительное стекло как раз изучал Ардов.

– Следов удара нет, – заключил Илья Алексеевич и поднялся.

– Да и спиртным от него не пахнет, – осматриваясь, продолжил Жарков.

Ардов обернулся к околоточному:

– А что, Иван Данилыч, фонари здесь ночью светят?

– А как же! – не раздумывая, воскликнул Свинцов.

– Виноват... – осторожно возразил Пампушко и замер, ожидая от начальника разрешения продолжить.

Околоточный, смутившись, кивнул.

– В этой части не зажигаем – особо не для кого: лавок нет, заведения отсутствуют. Обычно вон там, на перекрестке, один горит. – Городовой выпучил глаза в сторону канала.

– Стало быть, темень тут? – уточнил Ардов.

Городовой кивнул.

– Где ж он, по-вашему, надрался?

– Дык там и надрался! – указал Свинцов на дальний фонарь. – Там за углом кухмистерская Парамонова.

– Виноват, – опять кашлянул Пампушко и зачем-то поправил бляху с номером на груди. – Уж две недели как на замке.

– Чего это еще? – удивился Свинцов.

– Разорились, – грустно вздохнул блюститель уличного порядка.

– Кто? Парамонов? Да этот жук на своей сивухе уже, небось, миллионщиком сделался! – Оживившись, Свинцов развернулся к Ардову: – Окуня вместо сига подавал, а под видом черкасских бычков конину подсовывал. Это уж дело известное. Артельщикам-то что, народ невзыскательный, им бы глаза залить...

– Этот на артельщика не похож, – прервав околоточного, Ардов кивнул на труп в приличном костюме.

– Да уж не похож... – согласился Свинцов.

Сыскной чиновник обернулся к городовому:

– Карманы осмотрели?

– Так точно! Ничего нет.

– Да обчистили уже, Илья Алексеевич! – опять вступил Свинцов, чувствуя, что пока ничем не сумел помочь следствию. – У нас с этим делом не залеживается.

– Головного убора тоже не было? – не отвлекаясь на околоточного, продолжил опрос Ардов. Пампушко помотал головой в ответ.

– А ботинок не находили?

Ардов указал на босую ногу покойника. Городовой не успел ответить, поскольку следователя окликнул Жарков. Он стоял на противоположной стороне переуллка возле узкого прохода между домами и что-то держал в руках. Ардов устремился к коллеге, едва не столкнувшись с подводой, которую вел к месту преступления ломовой извозчик в красном жилете.

– Прикажете грузить? – прокричал Свинцов вслед сыскному чиновнику.

– Грузите, – на ходу разрешил Ардов.

Околоточный надзиратель принялся руководить укладкой трупa на дубовые доски подводы.

– Вот и второй... – проговорил Жарков, протянув Ардову полуботинок с резинками по бокам.

– Причем оч-чень прилично исполненный, – повертев, оценил сыщик.

– Да и костюм не из дешевых, – добавил криминалист и устремился в проход между домами, из которого только что вышел. Илья Алексеевич двинулся следом.

– Судя по трассам и задирам на одежде, волокли по земле, – через плечо делился размышлениями Петр Павлович. – Поэтому и ботинка не было. Обратите внимание.

Он указал на сваленные у стены гниющие доски и снял с ржавого гвоздя кусочек ткани.

– Держу пари – клочок со штанины несчастного.

Он опустил улику в бумажный конвертик и спрятал в карманчик саквояжа. Туда же, в саквояж, Ардов опустил найденный штаблет.

– Похоже, ограбление? – высказал первую версию Илья Алексеевич. – В карманах пусто. Приметили в ресторане, дождались, пока выйдет, саданули гирькой²...

Миновав захламленный двор, чины полиции вышли в соседний Спасский переулок, где уже сновали сонные разносчики, доставлявшие по домам дневные запасы продуктов со Щукина двора, – город постепенно просыпался.

– Может, и ограбление. Только ресторанов в этой части нет, – задумчиво произнес Петр Павлович, поглощенный определением маршрута, по которому, вероятно, волокли труп ночью. Примечая одному ему понятные знаки, он сделал несколько шагов и оказался у очередной арки. Повинуясь какому-то особому чутью, криминалист устремился под гранитные своды, повертелся во дворе, о чем-то коротко переговорил с дворником, протиснулся между дровяными сараями, порыскал в темных проходах и в конце концов вынырнул на мощный двор, куда выходили тылы зданий, смотревших фасадами на Гороховую. Ардов не отставал.

На массивных резных дверях, выкрашенных в синюю краску, висела лишенная пафоса латунная табличка «Пять шаровъ», а под ней – небольшая афишка: «Первый турнирь по карамболу «Золотой шаръ». Приглашаются всѣ желающія. Запись у г-на маркера».

Жарков ощупал пальцами круглую вмятину в дверной доске рядом с табличкой.

– Свежая... – отметил он и потянул за ручку.

Створка скрипнула и подалась. Петр Павлович обернулся, глаза горели огоньком охотника:

– Заглянем?

Оглядевшись, Илья Алексеевич кивнул, и приятели скрылись за синими дверями.

---

² Кистень в виде ударного груза, прикрепленного к цепочке.

Глава 2. «Пять шаровъ»

Ни швейцара, ни гардеробщика в столь ранний час при входе не оказалось. Ардов скользнул взглядом по доске с портретами почетных членов клуба за разросшимся фикусом, а в пустом гардеробе приметил на крючке одинокий котелок, видимо оставленный кем-то из вчерашних посетителей.

Миновав тёмный вестибюль, чины полиции вошли в полутемную залу с бильярдными столами, над которыми на цепочках покачивались керосинки в виде корабельных фонарей. Морская тематика вообще превалировала в оформлении: в нишах, затянутых холстами с морскими пейзажами, на тумбах покоились макеты бригантин, маркерные доски были вставлены в обода штурвалов, а над небольшой сценой у дальней стены нависала стилизованная под ростр³ деревянная фигура дующей в трубу обнаженной нимфы. Утренний свет едва пробивался в просветы меж тяжелых портьер, в кресле под клеткой с попугаем дремал старик-маркер.

На столе перед сценой в одиночестве катала шары стройная девушка, напомнимшая Ардову иллюстрации американского художника Чарлза Гибсона⁴ в «Кольеровском еженедельнике»: ее гибкий стан мягко облегла полосатая блузка, юбка была расклешена книзу, стеснявший движения жакет отброшен на стул. На столе имелось всего три шара, которые девушка катала туда-суда, не стремясь положить в лузу.

– Пришли записаться на турнир? – не отвлекаясь от игры, спросила она Ардова, когда тот подошел к столу.

– Турнир? – переспросил Илья Алексеевич, хотя прекрасно помнил содержание афишки на входной двери.

– «Золотой шаръ». В это воскресенье.

– Боюсь, моего мастерства недостаточно.

– Еще есть время отработать удары. Держите!

Совершенно неожиданно девушка бросила Ардову свой кий, который тот едва не уронил.

– Ну-с, давайте посмотрим, на что вы способны.

Илья Алексеевич несколько мгновений оставался в замешательстве – уж больно раскованно вела себя красотка. Наконец он опустил кий над столом и сделал попытку прицелиться к ближайшему шару.

– Вам же неудобно! – улыбнулась девушка. – Снимите!

Все это выглядело на грани дозволительного, но Ардов решил не останавливаться. Он положил кий на стол и медленно снял сюртук. Красотка подошла к нему вплотную, насмешливо глядя прямо в глаза. Кажется, ей доставляло удовольствие сохранять молодого человека в неловком положении. Илью Алексеевича накрыла фиолетовая волна, в которой он различил ноты жасмина, флердоранжа, ириса, сандала и пачули.

Девушка взяла сюртук и не глядя отбросила на стул.

– Вы были здесь вчера вечером? – пытаюсь сохранить невозмутимый вид, поинтересовался сыскной агент.

– Обычно я даю уроки по утрам, но вчера вечером была свободна, так что заглянула от скуки.

Девушка положила правую руку Ардова себе на ладонь и принялась натирать мелом между большим и указательным пальцами, куда обычно кладут кий при ударе. При этом она не отводила взгляда от глаз Ильи Алексеевича, наслаждаясь почти гипнотическим эффектом, который, вероятно, уже давно отработала на других.

---

³ Таран в виде какой-нибудь фигуры на носовой части корабля.

⁴ Создатель феномена «девушек Гибсона» – модно одетых, разносторонне развитых и равных по статусу мужчинам.

– Это позволит вашему кию свободно скользить, – пояснила она проникновенным голосом. – А почему вы спрашиваете?

– Не было ли здесь вчера потасовки? Может, какая-то ссора, угрозы?

Ардову показалось, что вопрос вызвал у девушки секундное замешательство, но она быстро взяла себя в руки и, отстранившись, протянула кий.

– Бильярд не располагает к агрессии... Скорее наоборот – делает людей чуточку ближе.

С этими словами девушка развернула Илью Алексеевича к столу, а сама расположилась у него за спиной. Молодой человек незаметно одернул рукав сорочки на левой руке, чтобы скрыть закрепленную на запястье кожаную манжету с малюсенькими стеклянными колбочками, набитыми белыми пилюльками.

– Ноги следует поставить шире. Опорную – ближе к шару...

Бильярдистка бесцеремонно постучала ботиночком из белой лайки по внутренним сторонам ардовских штиблет.

– Она должна быть строго на линии удара...

Илья Алексеевич послушно раздвинул ноги, отставив правую чуть назад.

– Корпус наклонить вперед...

Наставница мягко надавила молодому человеку на плечи, и он подался вперед, склонившись над столом.

– Необходимо лечь как можно ниже, чтобы угол между кием и линией удара был минимальным, – продолжила она бархатистым шепотом. Ее губы оказались у самого уха Ардова, правая рука сжала кий за его рукой, а другая легла ему на левое предплечье ближе к кисти.

– Не заметили вчера мужчины лет пятидесяти? – Ардов хотел задать этот вопрос возможно более заурядным тоном, но пересохшее горло предательски засипело, выдав волнение. – В твидовом костюме с узором «гусиная лапка», с сединой... Усы в стиле Франца Иосифа⁵.

– Здесь все такие – в твиде и с бакенбардами. Исключений почти не бывает.

Отвечая, наставница помогала Илье Алексеевичу выбрать правильный ритм для возвратно-поступательных движений руки с кием, чтобы он имел возможность приноровиться к цели. Она как бы прицеливалась вместе ним.

– Бейте, – наконец шепнула девушка и всем корпусом слегка подтолкнула молодого человека сзади.

Ардов ткнул кием. Удар вышел смазанным, шар нелепо откатился в сторону и замер, так и не достигнув борта. Илье Алексеевичу сделалось стыдно, как будто он не смог доставить девушке той радости, к предвкушению которой невольно дал повод. Вместе с тем он почувствовал явное облегчение – ему почудилось, что с этой милой барышней они знакомы сто лет и могут всецело доверять друг другу, как бывает между людьми, связанными общей тайной.

Бильярдистка отстранилась и перешла на другую сторону, попутно сняв для себя кий со стойки. На ее губах продолжала мерцать едва заметная улыбка.

Вообще-то Илья Алексеевич уже месяц как регулярно практиковался на бильярде, который не так давно по требованию сына выписала из Англии княгиня Баратова. Стол разместили в библиотеке, и всякий раз, когда Ардов оставался у них на ужин, Шура Баратов, его бывший сокурсник по университету и почти брат, утаскивал его после трапезы в зал с книгами и рыцарскими доспехами, где заваливал новостями о положении своих дел на многочисленных любовных фронтах.

– По какой игре будет турнир? – непринужденно спросил Ардов.

– «Трехбортный карамболь». Слыхали?

Сыщик не успел ответить, потому что у стола возник студент в зеленоватой тужурке. В руках он теребил фуражку с бархатным околышем.

---

⁵ Глава Австро-Венгерской монархии, носил пышные усы, соединенные с бакенбардами.

– Могу я видеть Варвару Найденову?

Оглядевшись, Илья Алексеевич заметил, что в зале стало светлей и прибавилось народу: распахнув гардины, уборщики собирали бокалы с кофейных столов и выметали окурки. Маркер в белых перчатках ходил от доски к доске и стирал результаты вчерашних финальных партий. Жарков вертелся у соседнего стола и подавал глазами неясные знаки.

– Это я, – ответила студенту бильярдистка.

– Я пришел на занятия, – смущаясь, пролепетал юноша, и румянец залил его щеки.

Голос студента походил на пудру, а во вкусе Ардов ощутил ванильную карамель.

Найденова обернулась к Илье Алексеевичу и приподняла бровь:

– Так вы не на урок?

Он кашлянул и взялся за сюртук.

– Виноват. Чиновник сыскной полиции Ардов, – представился он. – Неподалеку найден труп мужчины, я веду расследование.

Прежняя игривая приветливость барышни улетучилась. Она отложила кий и устремила на молодого человека напряженный взгляд, словно хотела вспомнить нечто важное.

– Тот самый мужчина с бакенбардами?

Ардов кивнул.

– Здесь кого-то убили? – осторожно поинтересовался карамельный студент.

Неотрывно глядя в глаза сыщику, Найденова произнесла низким бархатистым голосом:

– Здесь убивают только скуку, да и то – не насмерть.

Ардов не стал отводить взгляд, решив дожидаться, чем кончится эта весьма увлекательно разыгрываемая сценка. По языку растекся горьковатый вкус миндаля и чернослива – так обычно бывало, когда Илья Алексеевич сталкивался с неискренностью или откровенной ложью. Сейчас он никак не мог отделаться от ощущения, что участвует в театральной постановке, хотя и без зрителей, если не считать розовощекого юношу в тужурке.

О том, что перед ним артистка, Ардов подумал сразу, как только увидел девушку в бильярдном клубе – для обычной демимонденки⁶ она была слишком уверена в себе. Оказаться в компании заводчиков и предпринимателей, стекавшихся по вечерам в подобные клубы подальше от семьи в поисках развлечений, приличной барышне было решительно невозможно, но к артисткам это правило не прикладывалось – они были желанными гостями даже в великосветских кругах; знакомства с ними, не стесняясь, искали весьма знатные господа, а богатые подношения ради хотя бы единственного взгляда считались делом самым обычным – так публика поощряла талант, исключая его носителя из обычной системы норм и приличий. И хотя женитьба на артистке для мужчины с родословной не приветствовалась, исключения все же случались, а уж на романтические отношения вне официальных уз общество смотрело вполне благосклонно – чего стоил один только роман цесаревича с артисткой императорского балета, о котором некоторое время назад судачил весь Петербург.

– Снимите вашу тужурку, – наконец обратилась Найденова к новому ученику, отвернувшись от Ардова.

Поклонившись, Илья Алексеевич устремился к выходу, на ходу надевая сюртук.

Увидав, что приятель наконец бросил несвоевременный и явно затянувшийся флирт, Жарков, изнывавший у дверей в нетерпении, поторопился через вестибюль на улицу.

– Что маркер? – спросил сыщик, найдя криминалиста на крыльце перед синей дверью. Во время урока бильярдного мастерства он приметил, что Петр Павлович учинил допрос седовласому старику в перчатках.

– Тетеря сонная! – досадливо отозвался криминалист. – «Ничего не видел, ничего не слышал», – перекинул он губы, изображая бесполезного старика.

---

⁶ Дама полусвета, проститутка, от французского *demi-monde* («полусвет»).

Петр Павлович развернул носовой платок и показал бильярдный шар.

– Вот, захватил на всякий случай. Кажется, есть подозрительные следы.

Оказалось, Жарков успел с лупой изучить все шары в бильярдной, за исключением, разумеется, стола, где Найденова давала уроки начинающему бильярдисту.

– Вполне мог послужить орудием убийства... – Криминалист указал на темные щербинки на гладкой поверхности костяной сферы. – А у вас что?

– Чернослив и миндаль, – пробормотал Илья Алексеевич, отправив за губу маленькую пилюльку из колбочки, вынутой из чехольчика в кожаной манжете на левом запястье.

Ощутив во рту освежающий малиновый вкус, он, спохватившись, поправился:

– Я хотел сказать, госпожа артистка, возможно, что-то знает, но предпочитает помалкивать.

Жарков понимающе кивнул.

Пилюльки, корректирующие неконтролируемые приливы вкусовых галлюцинаций, разработал доктор Лунц из швейцарской клиники, где Ардов провел некоторое время после одного трагического обстоятельства в своей жизни. Профессор был чрезвычайно вдохновлен изучением феномена, при котором раздражение в одной сенсорной системе у пациента приводило к непроизвольному отклику в другой. Но ни раскопать истоки этого сбоя, ни разработать механизмы управления спонтанными реакциями доктору так и не удалось: какой-нибудь случайный лай дворняги за окном все так же легко мог испортить Ардову завтрак, превратив кофе в куриный бульон.

Белые горошинки были распределены по трем колбочкам и помогали уравновесить приливы кислоты, горечи или соли.

– И вот еще...

Ардов протянул котелок, который захватил из гардеробной при выходе.

– Не наш ли покойник оставил?

– Проверим.

Жарков раскрыл и подставил саквояж.

– Странная борода, не находите? – задумчиво произнес Ардов.

Жарков поднял недоуменный взгляд и понял, что Илья Алексеевич смотрит куда-то в сторону. У угла дома околачивался нелепого вида человек в старом кафтане и с косматой бородой, которая явно не шла к его щуплой фигуре. Заметив, что его рассматривают, бородач резко отвернулся и изобразил, будто чистит прутиком подошву сапога.

Петр Павлович сделал шаг и обратился к незнакомцу, возвысив голос:

– Любезный, можно вас на минуточку?

Вздвогнув, бородатый прохожий как-то боком попятился к углу дома, за которым и скрылся.

Глава 3. Поручение

– Ардов, вы не знаете, что означает кабан?

Вопрос немало озадачил сыскного чиновника. Выглядел он тем более странно, что прозвучал в кабинете обер-полицмейстера, прямо под ростовым портретом государя Николая Александровича в коронационной мантии. Сюда Илью Алексеевича доставили в черной карете два крепких молчуна в одинаковых костюмах прямо от синих дверей бильярдного клуба «Пять шаровъ». В руках начальник столичной полиции мял какую-то записку с неровными строчками.

– Простите? – Илья Алексеевич не был уверен, что не ослышался.

– Я имею в виду, какое символическое значение имеет голова вепря? – убрав записку в стол, сановник выбрался из кресла с резным орлом на спинке и прошелся вдоль длинного стола, у начала которого стоял Ардов.

– Для римлян и греков вепрь символизировал борьбу и разрушение, – продекламировал Илья Алексеевич, отыскав в памяти нужную страницу «Британники»⁷. – У индусов выступает третьей инкарнацией Вишну, который в этом образе спасает землю от хаоса. В буддизме свинья помещена в центр колеса существования и олицетворяет неведение – одну из трех иллюзий, которые мешают человеку достичь нирваны.

Ответ произвел впечатление на Августа Рейнгольдовича, но оставил чувство неудовлетворенности.

– А что насчет православных?

Честно говоря, мнение святых отцов насчет кабана Ардову было неизвестно, поэтому он выдвинул гипотезу, наделив животное одним из наиболее порицаемых грехов:

– Православные видят в кабане символ чревоугодия – низменное, грубое существо.

– Да-с... – неопределенно выдохнул обер-полицмейстер. – Ну, не удивительно...

Он походил в задумчивости по кабинету.

– А у католиков?

– Брутальность и похоть, – уверенно ответил Илья Алексеевич, также не имея на то достаточных оснований.

Ответы сыскного агента никак не развеяли замешательства, в котором пребывал хозяин высокого кабинета. Обстановка вообще выглядела странной. Мелкий полицейский чиновник одной из самых неблагополучных частей города не мог оказаться в кабинете обер-полицмейстера ни при каких обстоятельствах – слишком велико было расстояние между статскими чинами этих фигур. Между тем всемогущий начальник столичной полиции почему-то счел нужным вызвать к себе именно этого сыщика, причем велел сделать это неприметно.

Дело в том, что Август Рейнгольдович уже имел возможность составить личное мнение об Ардове – чуть более месяца назад молодой человек напросился на аудиенцию, которую и получил благодаря ходатайству княгини Баратовой. Тогда он пытался убедить господина обер-полицмейстера в опасности, которую таит внедрение психологической лаборатории для нужд армии – риск манипулирования кадровыми назначениями на высшие командные посты выглядел слишком высоким, если допустить, что к методикам оценки личностных качеств будущих командиров могли получить доступ агенты иностранных разведок. Идея такой лаборатории была уже высочайше одобрена и даже учреждена приказом военного министра. Несмотря на снисходительный тон, с которым Август Рейнгольдович встретил эти беспокойства, тогда он отметил про себя и острый ум, и моральные качества, и искренний патриотический настрой молодого человека – комбинацию свойств, почти не встречающуюся нынче в среде государ-

---

⁷ Наиболее полная и старейшая энциклопедия на англ. языке.

ственных служащих. Некоторые любопытные подробности об Ардове сообщила княгиня Баратова – они подтверждали незаурядность его натуры. И, наконец, немалое значение имели слухи, которые с некоторых пор стали циркулировать в среде полицейских, – о якобы феноменальных способностях некоего молодого сыщика из третьего участка Спасской части. Райзнер затребовал к себе материалы раскрытых новичком дел и имел возможность лично убедиться в своих предположениях – Ардов представал в высшей степени удивительной личностью.

– У меня к вам просьба, Илья Алексеевич, – деликатно начал обер-полицмейстер. – Даже не знаю, с чего начать... – Он слегка потер ладошки, словно подставил их под невидимую струю воды. – Сегодня утром один уважаемый господин, вполне респектабельный и достойный... обнаружил у себя в кабинете голову... э-э-э-э... хряка. Да, кабана. Огромную, знаете ли, голову кабана – на месте, где у него обычно висело чучело головы оленя... Согласитесь, странное... э-э-э-э... явление? Вы не находите?

– Вне всякого сомнения.

– Вот и мне показалось, что в этом есть какой-то знак... Не думаю, что злоумышленник хотел напомнить этому господину о колесе сансары... Мне кажется, в этом есть какое-то предупреждение... Может быть, угроза... Словом, мне бы хотелось, чтобы вы как можно деликатнее поинтересовались этим делом. Так сказать, не в службу, а в дружбу... Возможно ли это?

– Конечно, ваше высокопревосходительство, – легко согласился Ардов. – Я сообщу господину приставу, он заведет дело в участке...

– Нет-нет... приставу не надо, – поторопился Август Рейнгольдович, отметив про себя, что юноша не так прост, как мог показаться на первый взгляд. – Это дело щекотливое. Лишние уши тут ни к чему.

Ардов смотрел на Райзнера невинными глазами.

– Вероятно, господин какой-то особенный? – осведомился он.

На мгновение обер-полицмейстер засомневался, не ошибся ли он, обратившись к этому молодому человеку. Но, приняв окончательное решение, выложил все карты.

– Это Касьян Демьяныч Костоглот. Слыхали?

Фамилия эта была Ардову известна. Коммерции советник⁸ Костоглот занимал пост главы правления общества «Златоустовская железная дорога». Илья Алексеевич бывал у него в конторе на набережной Екатерининского канала, когда расследовал дело о пропаже шляпных булавок в салоне мадам Дефонтель. Тогда он не менее часа проторчал в приемной среди моделей паровозов, прежде чем железнодорожный магнат соблаговолил его принять. К делу о булавках Касьян Демьянович никакого касательства не имел, но воспоминания по себе оставил мало-приятные: манеры у него были грубые, а голос горячий – с каждым словом его коричневые губы выплевывали горящие искры, угрожавшие прожечь лацканы ардановского сюртука.

– Чего же вы от меня хотите? – справился Илья Алексеевич, очень рассчитывая, что сумеет как-нибудь увильнуть от сановного повеления.

– Выяснить, кто стоит за этой шалостью. И чего они хотят от Костоглота.

Август Рейнгольдович аккуратно увлек Ардова к выходу.

– Но сделать это следует прикровенно, – доверительным тоном продолжил он наставления, не давая собеседнику возможности собраться с мыслями. – Без лишней бюрократии. Касьян Демьянович человек почтенный, и любые странности, связанные с его именем, могут вызвать ненужное беспокойство и в деловых кругах, и при дворе... Вы меня понимаете?

Ардов опять кивнул.

– Дела пока, думаю, можно не заводить, – продолжал делиться мыслями обер-полицмейстер. – Разузнаем покамест что да как, а там и решим, верно?

---

⁸ Почетное звание для купцов, пробывших в 1-й гильдии 12 лет.

Ардов мучительно искал способ сказать неподходящей кандидатурой для этого поручения, но так ничего и не изобрел.

– Ну что ж, могу я на вас рассчитывать? – тепло улыбнувшись, Райзнер смахнул пылинку с плеча Ильи Алексеевича. – Ведь не напрасно же я давал вам рекомендацию для вашего пристава?

Это было правдой. Распоряжение рассмотреть кандидатуру Ардова на место чиновника сысского отделения княгиня Баратова выхлопотала у своего старинного друга на следующий же день после возвращения Ильи Алексеевича из Швейцарии. Без этой бумаги с гербом наверху майор Троекрутов не хотел даже разговаривать с претендентом. Теперь наступала пора отплатить высокому покровителю делом.

– Сделаю все возможное, ваше высокопревосходительство, – заверил Ардов и тряхнул головой.

Глава 4. У Костоглота

Никакой головы хряка в кабинете Костоглота не обнаружилось. На стене, задрапированной гобеленом, над резной спинкой обтянутого бордовым бархатом диванчика красовалось чучело головы оленя с ветвистыми рогами. Полы были тщательно вымыты, в помещении вообще отсутствовали какие-либо следы утреннего происшествия.

– Велел выбросить, – сообщил сумрачный коренастый господин в шлафроке в ответ на вопрос Ильи Алексеевича. Это был глава правления общества «Златоустовская железная дорога» Касьян Демьяныч Костоглот. Он явно не испытывал восторга от визита чина сысского отделения. Только ссылка на обер-полицмейстера позволила Ардову сломить сопротивление величественного швейцара внизу и пробраться дальше парадных дверей роскошного особняка на Итальянской улице с окнами на Фонтанку.

– Это ведь улика, – с едва заметным осуждением проговорил сыщик.

– Какая еще улика, – пренебрежительно отозвался Костоглот, набирая щепотку нюхательного табака из миниатюрной серебряной табакерки в виде толстенького человечка с откидной головой. – Улика – когда есть преступление.

Хозяин кабинета замер на несколько мгновений, прикрыл глаза и вдруг разразился серией чихательных судорог, сопровождавшихся кашлем и рычанием.

– А я полагаю, что здесь никакого преступления нет, – продолжил он прерванную мысль, возвращая табакерку на заваленный бумагами стол и промакивая губы платком. – Так... поозорничал кто-то... Напрасно изволили беспокоиться.

Костоглот сбросил шлафрок, надел висевший на спинке стула парчовый жилет и развернулся к двери, показывая всем видом, что незваный гость может возвращаться к более важным делам у себя в участке. Илья Алексеевич предпочел этого не заметить.

– Но ведь поначалу вам это показалось странным? Ведь вы же обратились к...

– Ну, поначалу показалось... – раздраженно перебил Костоглот, очевидно не желая, чтобы Ардов в очередной раз произносил имя обер-полицмейстера. – А потом – не показалось. Обычное дело. Мальчишки баловались.

Глава правления общества «Златоустовская железная дорога» вел себя странно. Он был явно обеспокоен происшествием, но при этом почему-то всячески уклонялся от нормального разговора. Не зная, что еще предпринять для развития беседы, Илья Алексеевич направился к двери. Костоглот с явным облегчением двинулся следом.

– То есть дело пустяковое и участия полиции не требуется?

– Да, именно так, – кивнул Касьян Демьянович, обнаружив, что на жилете недостает пуговицы. Он распахнул дверь и велел лакею принести другую жилетку; потом обернулся к Ардову с фальшивой улыбкой: – Не смею задерживать. Уверен, полицию ждут заботы посерьезней.

Голову хряка Ардов обнаружил в каретном сарае, куда его проводил рослый конюх Егор. Он подтвердил, что лично снял оную с крюка по приказу хозяина, прислуга отмыла стену от подсохшей за ночь крови, а плотник перевесил на нее гобелен из гостиной.

– Тяжелая? – Ардов пнул голову носком ботинка, обратив внимание на отпечатки обуви, которые во множестве сохранились на песке: на правом каблуке набойка сидела косовато и была со срезанным ушком. Эти следы оставили Егоровы сапоги, что, впрочем, было логичным.

– Полпуда точно.

Да уж, мальчишки... Как же! Мальчишка такую и не поднимет, не то что на стену водружить.

– Как думаете, кто принес?

Егор охотно поделился подозрениями. Оказывается, еще третьего дня хозяин попер с кухни повара – тащил не глядя. Да и закладывал частенько.

– Уж Касьян Демьяныч его сколько раз предупреждал. Да чего уж тут, дрянь человечиска оказался.

– Думаете, он и отомстил?

– А чего? Такого места лишиться. Говорю же, мужичонка злопамятный. А в пьяном угаре чего не отчебучишь.

В дверях появился щербатый кучер в жокейских сапогах, белых бриджах и короткой курточке со стоячим воротником. В руках у него был хлыст из китового уса в кожаной оплетке.

– Егор, ноги не замотаны! – просипел он, не очень-то обращая внимания на незнакомца. – Велено подавать!

– Виноват, служба, – погрузился Егор и поспешил во двор бинтовать лошадям ноги.

Еще по пути в сарай Илья Алексеевич приметил пару стриженных лошадей без хвостов в английской упряжи с лакированной каретой на желтых колесах. Английский экипаж считался особым шиком, и позволить себе такую роскошь мог далеко не каждый состоятельный житель столицы.

Выбравшись во двор, Ардов обнаружил у распахнутых ворот того самого бородача, который околачивался утром у бильярдного клуба. Вид у него был такой же нелепый: он изображал интерес к резным завитушкам на воротах, хотя осматривать там было решительно нечего. Уже не теряя времени на лишние разговоры, Илья Алексеевич молча устремился к подозрительному типу. Тот изо всех сил бросился по набережной наутек, лихо огибая выступающие тамбуры особняков через проезжую часть, где рисковал угодить под колеса экипажей. Ардов держался следом, но потерял несколько аршин, обходя бестолковую чухонку-молочницу, которая будто нарочно бросалась под ноги, не давая дороги.

Не добрав саженной десяти до поворота на Инженерную, беглец юркнул в подворотню и принялся петлять по темным узким проходам между стенами, сталкивая за спину попадавшиеся по пути ящики и доски. Ардов, перепрыгивая, отставал. Свернув за угол, он увидел, как в конце тупичка бородач, взобравшись на бочку, уже перекинул ногу через забор. Илья Алексеевич поднажал и едва не ухватился за штанину, но наглец с силой оттолкнул бочку, и та, отлетев с грохотом, чудом не сшибла сыщика с ног. Пока он катил ее обратно к стене, устанавливал и взбирался, драгоценные минуты были упущены. Выскочив на Михайловскую площадь, сыскной чин едва не угодил под «эгоистку»⁹ на высоких колесах, получил грубый окрик, сдал назад и огляделся, переводя дух. Странного господина с нечёсаной бородой в потертом кафтане среди прогуливающейся почтенной публики обнаружить не удалось. Дамы у кафе «Польское» с удивлением поглядывали на запыхавшегося господина в приличном костюме, приложившего карманные часы к уху. Они указывали на него веерами и о чем-то хихикали. Рядом у стеклянной двери парикмахерской стоял молодой цирюльник в бабочке и монотонно зазывал клиентов:

– Бреем, стрижем бобриком-ежом, кудри завиваем, гофре направляем, парик промоем, кровь откроем, мушки клеим, стрижем да бреем. Банки, пиявки, набор грудной травки!

Илья Алексеевич убрал от уха часы, автоматически взглянув на стрелки, подозвал извозчика и отправился в участок.

---

⁹ Легкая одноконная повозка для одного пассажира, который сам же и управляет экипажем.

Глава 5. СК

На столе старшего помощника участкового пристава лежало несколько цветочных букетов. Сам он с укоризной посматривал на полноватую торговку, растиравшую слезы на невымытом лице, и писал в протоколе.

– Махалкина, цветы твои? – строго спросил Оскар Вильгельмович и кивнул на маргаритки.

– Батюшке на могилку собрала, – всхлипнула торговка.

– Пять букетов? – возмутился полицейский чиновник. – Свидетельство есть?

Махалкина изобразила высшую степень недоумения:

– Какое еще?

Фон Штайндлер порылся в ящиках стола, достал потертую папку и извлек недавнее распоряжение градоначальника. Нацепив пенсне, он зачитал с наставительной интонацией:

– «Торговля цветами допускается не иначе как по особым свидетельствам, выдаваемым в полицейском управлении...»

Женщина продолжала хлопать глазами.

– Махалкина, где твое свидетельство на торговлю? – громко спросил чиновник, словно обращался к глухой.

Не придумав ничего нового, торговка опять скривила лицо в гримасе скорби.

– Так я не для торговли, ваше благородие! Папеньке! На могилку.

Она подняла глаза вверх и перекрестилась.

– Махалкина, отец твой жив-здоров, каждый вечер у казенки¹⁰ «Коробейников»¹¹ горланит! – подключился к допросу Свинцов, который уже давно сгрузил найденный труп в прозекторскую и теперь дул чай у подоконника в компании филера Шептульского.

Торговка бросила на околоточного злой взгляд.

– Как же тебе не стыдно? – укоризненно протянул Оскар Вильгельмович.

Филер Шептульский хотел было тоже высказаться насчет незаконной торговли, но к нему подскочил Ардов, только что вошедший в участок.

– Кузьма Гурьевич, у меня к вам дело, – жарко зашептал сыскной чин.

– Слушаю-с.

Шептульский весь подобрался и сделался серьезным. Несмотря на некоторые странности, молодой сыщик пользовался в участке уважением, и поручения от него филер старался исполнять со всем тщанием и в первую очередь. Это давало ему возможность слыть в среде коллег из других отделений непосредственным участником расследования самых невероятных преступлений, которые с блеском распутывал Ардов. Конечно, большую часть обстоятельств Шептульский беззастенчиво сочинял, не забывая выставить себя едва ли не наставником начинающего следователя, но даже в такой интерпретации способности Ильи Алексеевича производили на слушателей сильное впечатление. Бывали даже случаи, когда филеры специально приходили на Фонтанку, 63, под видом ремесленников или мелких чиновников, чтобы Шептульский показал им нарождающуюся легенду сыска. За эту услугу Кузьма Гурьевич обычно брал шесть копеек, которые тем же вечером спускал по дороге домой, награждая себя мерзавчиком¹² в казенке: четыре копейки брали за водку и две – за посуду.

– В бильярдном клубе «Пять шаровъ» по утрам дает уроки игры молодая особа. Зовут Варвара Найденова.

---

¹⁰ Казенная винная лавка.

¹¹ Залихватская песня на слова Некрасова.

¹² Маленькая, в полстакана, бутылочка с водкой.

– Понял, – с готовностью ответил филер.

Не дождавшись каких-либо уточнений сверх сказанного, он приблизился к Ардову вплотную и продолжил доверительным тоном:

– Илья Алексеевич, выручайте... Дорогая супруга нуждается в лекарстве, а до жалованья еще три дня... Не могли бы вы...

Ардов полез в карман. Увидев в раскрытом бумажнике сложенные рядком ассигнации, филер облизал губы.

– Сколько стоит лекарство? – спросил Илья Алексеевич.

– Это, видите ли, иноземное снадобье... – забормотал Кузьма Гурьевич. – Из Цюриха... От астмы...

Ардов невозмутимо ожидал.

– Девяносто семь копеек, – наконец выдохнул Шептульский. – Ни больше ни меньше. Да-с.

Едва взглянув на кредитный билет рублевого достоинства, извлеченный Ардовым из бумажника, филер как-то по-особенному всхлипнул и поднял воспаленные глаза, в которых читались одновременно восторг и неуверенность.

– Брантовский рубль? – застенчиво улыбнулся он.

Илья Алексеевич повертел купюру в руках, не очень понимая, что вызвало такую преувеличенную реакцию.

– Так вот запросто и отдадите?

Не веря своему счастью, Шептульский аккуратно взял двумя пальцами банкноту. Ардов отпустил. В то же мгновение особым движением филер скрыл ассигнацию меж пальцев – она растворилась буквально на глазах.

– Насчет вашей особы не извольте беспокоиться – афроншируем¹³ в лучшем виде.

С этими словами Кузьма Гурьевич подхватил с подоконника котелок, поклонился и устремился к выходу.

Илья Алексеевич отправился к прозекторскую.

Жарков с силой метал принесенный из клуба бильярдный шар в мясную тушу, закрепленную на цепочке от керосиновой лампы над секционным столом. На соседнем столе располагался уже обнаженный труп из Демидова переулка. Шар ударялся в мясо с глухим звуком и падал в таз на столе, куда была предусмотрительно уложена снятая с мертвеца одежда. Благодаря такому ухищрению опыт не производил лишнего шума и не вызывал беспокойства других обитателей участка. Всякий раз после броска Жарков подходил к туше и измерял штангенциркулем параметры вмятины.

– Могу утверждать с высокой степенью вероятности, что бедняге вклеили в глаз точно таким же шаром... – не без гордости произнес он, занося полученные данные в особый бланк. – Может, даже этим... – Он кивнул на шар, оставшийся в тазу. – По крайней мере, шар точно был бильярдным...

Подумав, он поправился:

– Ну, если и не бильярдным, то такого же диаметра... Или близкого...

Покончив со следственным экспериментом, Жарков подошел к шкафчику и наполнил эрленмейер¹⁴ бурой жидкостью из пузатой колбы.

– Удар был такой силы, что дух вышибли напрочь с одного раза.

Петр Павлович осушил эрленмейер и уставился немигающим взглядом на большой палец ноги покойника.

---

¹³ Карточный термин, обозначающий «отыгрыш».

¹⁴ Лабораторная колба конической формы.

– По крайней мере, других серьезных повреждений на трупe нет, – уточнил он, придя в себя.

– Шаром могли убить и на улице, верно? – предположил Ардов.

– Могли, – согласился Жарков. – Хотя способ странный... Тем более что в клубе этот господин вчера определенно был. Котелок – с его головы.

Жарков кивнул на головной убор, который Илья Алексеевич захватил в гардеробной «Пяти шаров».

– Волосы оттуда весьма схожи со взятыми с головы покойника.

Криминалист на мгновение приложил глаз к окуляру микроскопа, желая, видимо, убедиться, что настройка не сбилась, и тут же уступил место Илье Алексеевичу.

– Обратите внимание на рисунок, образованный линиями краев чешуек кутикулы.

Ардов с готовностью уставился в микроскоп – скорее из любезности, чем по интересу. Линии чешуек на двух объектах и правда были схожи.

– Но есть странность, – в некотором возбуждении продолжил Петр Павлович.

Он обошел стол и поднял руку покойника.

– Пальцы рук убитого не содержат остатков мела!

– Получается, если он и был вчера вечером в «Пяти шарах», то сыграть явно не успел, – сделал вывод Илья Алексеевич.

– Совершенно верно!

Довольный результатами изысканий, Жарков отправился к шкафчику и повторил эрленмейер.

– Скорее всего, игре помешал конфликт, – продолжил он рассуждения. – В правом кулаке покойного я обнаружил пуговицу.

Жарков потряс в воздухе колбой, о стенки которой бился какой-то пятнистый камушек.

– Весьма необычная – из черепахового агата.

Илья Алексеевич поднял колбу перед глазами и осмотрел пуговицу с застрявшими в ушке обрывками ниток. Кажется, точно такие же пуговицы он сегодня уже видел... Ардов сделал несколько резких вдохов и в то же мгновение оказался в кабинете главы правления общества «Златоустовская железная дорога» в момент, когда тот как раз велел лакею заметить жилет. Ардов мысленно заставил Костоглота замереть. Этот способ сыщик частенько применял, когда бывала нужда рассмотреть детали, упущенные при первоначальном осмотре места преступления. Когда-то, в первый же день службы Ильи Алексеевича в третьем участке Спасской части, именно Жарков обнаружил уникальные свойства памяти молодого человека и натренировал его использовать этот трюк, назвав «методом римской комнаты». Сейчас Ардов наклонился к животу застывшего Касьяна Демьяновича и не торопясь изучил пуговички на его жилете. Так и есть! Точно такие же отполированные полусферы зеленовато-коричневого цвета, с желтыми вкраплениями. И одной – вот здесь – как раз не хватает!

– Думаю, прежде чем получить шаром в глаз, несчастный успел схватить убийцу за одежду, – продолжал Жарков, не заметив мысленного отсутствия коллеги.

– По всей видимости, за жилет? – сделал предположение Ардов, вернувшись из воспоминания.

Жарков кивнул.

– А это что? – воскликнул Илья Алексеевич, заметив на правом предплечье покойника буквы, оставленные, по всей видимости, раскаленным железом довольно продолжительное время назад.

– Это еще один сюрприз! – блеснул глазом криминалист.

– СК... – прочел Ардов.

– Что означает «ссылнокаторжный», – расшифровал зловещую монограмму Жарков. – До указа 63-го года¹⁵ так клеймили каждого каторжанина.

Криминалист выпустил струю гадкого дыма, от которого Ардову сделалось нехорошо.

– Видать, наш был приучен к преступному промыслу с молодых ногтей, если уже лет в семнадцать на каторге оказался.

Поблагодарив коллегу за ценные сведения, Илья Алексеевич поспешил к двери, на ходу отправив в рот пару горошин из стеклянной колбочки на манжете. У выхода он повернулся. Какая-то мысль не давала ему покоя.

– Петр Палыч, а вы не откроете мне, почему Шептульский так обрадовался рублю, который назвал брантовским?

– Обычное дело, – охотно отозвался криминалист. – На этих билетах стоит подпись кассира Бранта – он недавно свел счеты с жизнью в припадке умопомешательства. После этого некий Коля-Палец сорвал большой куш, поставив ровно на такой рубль. Картежники, как известно, народ суеверный, тут же бросились искать билеты с подписью Бранта в меняльных лавках – почему-то все, что связано с самоубийцами, у этой породы пользуется особым почетом. Менялы взвинтили стоимость брантовского билета до фантастической цены. Так что будьте покойны, Кузьма Гурьевич ваш рубль меньше чем за 25 целковых не уступит.

– Разве такие билеты редкость? – удивился Ардов.

– Нет, конечно! Но менялы пустили слух, будто билеты с подписью Бранта больше не выпускают и их ни за какие деньги не получишь в Государственном банке.

Впечатленный рассказом, Илья Алексеевич отправился на обед к Баратовым.

---

¹⁵ Высочайший Указ от 17 апреля 1863 года, отменявший жестокие телесные наказания, включая наложение клейм и штемпельных знаков.

Глава 6. Концессионный договор

Блюда подавали два вышколенных лакея в ливрейных фраках с вытканными на галуне гербами, на ногах – красные чулки и лаковые туфли-лодочки. В углу на столике стоял большой лакированный с росписью ларец-аристон, изогнутую ручку которого медленно вращал старик с пышными седыми бакенбардами в расшитой золотым позументом ливрее. По залу разливалась приятная музыка.

– Харитон, поставь ту, что пришла вчера! – велела лакею княгиня Баратова.

Тот послушно снял со шпиль испещренный мелкими дырочками латунный диск, спрятал его в бумажный конверт и опустил на нижнюю полочку столика, где имелась целая стопка таких конвертов. Оттуда же он извлек новый «блинчик».

– Вчера из Вены прислали увертюру из «Орфея и Эвридики» Глюка, – похвасталась Анастасия Аркадьевна. – Вам понравится.

Илья Алексеевич кивнул. Он был благодарен княгине за то, что у себя дома она всегда заботилась о благозвучном сопровождении приема пищи. Ардов сохранял весьма высокую чувствительность к неприятным звукам, которые запросто могли превратить изысканное клафуги¹⁶ в прокисший гороховый кисель. Оттого посещение ресторанов для Ильи Алексеевича обычно становилось нелегким испытанием.

– Между прочим, я была на премьере этой оперы в Париже в редакции Берлиоза, – ударились в воспоминания княгиня. – Он сам дирижировал. Вы не поверите, это было почти 40 лет назад... Знаете, кто исполнял партию Орфея? Полина Виардо! Боже, какое у нее было контральто...

Зазвучала теплая сладковатая музыка. По темпу старик Харитон значительно уступал и Глюку, и Берлиозу, но добиться от него положенного *allegro molto*¹⁷ у княгини так и не получилось.

Обещание ежедневно навещать крестную Ардов дал в первый же день по возвращении из Швейцарии немногим более месяца назад. После жестокого убийства отца и молодой мачехи, совершенного почти пять лет назад, у Ардова не осталось более близкого человека на всем белом свете. Именно Баратова отправила его в баденскую клинику к доктору Лунцу, регулярно справлялась о здоровье и вообще всячески поддерживала. Неожидавшее возвращение крестника несколько обеспокоило княгиню, но, убедившись, что заграничное лечение пошло на пользу, она быстро привыкла к присутствию Ильи Алексеевича в своей жизни и теперь дня не могла прожить, чтобы не поделиться новостями или обменяться мнениями по вопросам международной политики.

Сегодня Анастасия Аркадьевна пребывала под впечатлением от нового приобретения – из Италии пришел заказанный полгода назад огромный стол, где вместо ножек столешницу поддерживали припавшие на одно колено обнаженные юноши из белого мрамора. За этим столом она и принимала Илью Алексеевича. Всего было шесть фигур – по три с каждой стороны. Обнаженные мужчины в гостиной, хоть и под столом, вызвали невольное беспокойство и приятно горячили кровь. Княгиня поминутно опускала взгляд, словно тревожилась, не слишком ли им тяжело удерживать на плечах украшенную резьбой каменную плиту.

– Как думаете, Илья Алексеевич, не очень ли это фривольно? Все-таки мы не Италия... У нас климат другой, нам представить юношу в одном хитоне¹⁸ непросто.

---

¹⁶ Французский вишневый десерт.

¹⁷ Музыкальный термин, означающий «очень быстро».

¹⁸ Нижняя одежда у древних греков в виде длинной рубахи без рукавов.

Про себя Ардов отметил, что в данном случае не было и хитонов – они благополучно сползли со статуй и застыли внизу изысканными драпировками, удачно прикрывая наиболее деликатные места. Вслух же он попытался пошутить возможно беспечно:

– Ганимеды¹⁹ в тулупах выглядели бы здесь нелепо.

– Вы тоже так думаете? – обрадовалась княгиня. – Им-то что, у них юноши три четверти дня проводили абсолютно голыми в этих своих палестрах²⁰ – и никого не смущало.

– А конкурсы красавиц в Тенедосе? – воскликнул Илья Алексеевич – он решил помочь крестной с подбором аргументов для гостей, которые ожидались здесь вечером. – А состязания в Спарте? А фессалийские танцовщицы?.. А жрицы в храме Афродиты в Коринфе?

Память любезно раскрыла перед Ардовым страницы декадентского журнала «The Yellow Book»²¹, откуда он и принялся черпать примеры обстоятельств, при которых древнегреческие художники имели возможность лицезреть совершенные формы юного тела неприкрытыми и в живом движении, что наполняло их воображение высокими образами и подготавливало души к изображению самой идеи прекрасного.

– Великий Пиндар²² не постеснялся прославить их в песне, чем же мы хуже? – процитировал он финал статьи.

Баратова с облегчением вздохнула – вкус крестника был безупречен.

– Анастасия Аркадьевна, вы знаете что-нибудь про Костоглота?

Получилось не очень элегантно, но уж как вышло. Завершив светскую часть беседы, Ардов счел возможным перейти к волновавшему его вопросу. Княгиня имела широчайший круг общения и обладала поистине бездонными знаниями секретов высшего света. Ее советы за последний месяц здорово помогали Ардову разбираться в перипетиях, когда дело касалось выдающихся по своему положению особ.

– Костоглота? Я слыхала, он жестко дело ведет, многие стонут, – сказала крестная и сделала паузу.

Илья Алексеевич молчал, давая понять, что рассчитывает на более прикровенную информацию.

– Говорят, он был крупным коммерсантом в Одессе и познакомился там с неким влиятельным лицом, прибывшим на закладку храма в Свято-Ильинской обители. Видать, крупный взнос сделал, за что и был представлен. В правительстве как раз обсуждали идею железнодорожных концессий. Знаете, в этом деле найти такого, чтобы всех примирил да в один узел связал – забота особая. Вот так все удачно и сложилось – возглавил Касьян Демьяныч правление. По слухам, у него не только государственные мужи, но и члены императорской фамилии в доле.

– Это же запрещено! – не сумел сдержать удивления Ардов.

– Злые языки болтают, – беспечно пожала плечами Анастасия Аркадьевна. – Достоверно знать нельзя.

Прожевав жаренную с розмарином улитку, она слегка нагнулась над столом и продолжила громким шепотом, хотя таиться здесь было решительно не от кого:

– Да и не сами же они в реестр записаны! У кого жены, у кого тетушки.

Ардов переваривал услышанное.

– Ответственность немалая, – наконец вымолвил он. – А если вдруг убыток?

Баратова улыбнулась и ответила уже без всяких ужимок:

– У Костоглота договор с правительством: если случится убыток, его из казны и покроют.

---

¹⁹ Ганимед – троянский юноша, похищенный Зевсом из-за своей красоты.

²⁰ Гимнастическая школа для подростков в Древней Греции.

²¹ Скандальный английский литературный журнал, издававшийся в 1894–1897 годах.

²² Самый знаменитый лирический поэт Древней Греции.

– То есть как? – Илья Алексеевич опять не удержался от невольной admiration²³. – Покроют разницу между доходами и расходами?

– Ну да, – вполне обыденно подтвердила княгиня.

– Но ведь у него частное предприятие!

Анастасия Аркадьевна посмотрела на крестного со смешанным чувством. Ей imponировала его безупречная нравственная чистота, но вместе с тем она не могла не испытывать беспокойство от той наивности, с которой Илья Алексеевич смотрел на мир. Она точно знала, что мир этот готовил молодому человеку новые жестокие испытания. Ей хотелось закрыть его от этого мира, оградить, заточить в прекрасную комнату и не выпускать, снабдив всем необходимым, как это было с принцем Сиддхартхой²⁴, ради которого индийский царь велел каждое утро вырывать пожелтевшие травинки в саду, чтобы мальчик не задумывался о смерти. Но она понимала, что это невозможно.

– Потому и договор концессионный²⁵, – вздохнула она.

---

²³ Удивление, восхищение (от *франц.* admiration).

²⁴ Сиддхартха Гаутама – имя, полученное при рождении легендарным основателем буддизма Буддой Шакьямуни.

²⁵ Концессия – форма партнерства, при котором государство передает частной компании земли или предприятия для коммерческой эксплуатации на оговоренных условиях.

Глава 7. Костя Данго

После обеда Илья Алексеевич отправился на Сенной рынок, где условился встретиться с репортером Чептокральским. Газетчик оказывал чиновнику сысского отделения кое-какие услуги в обмен на подробности для криминальной хроники. Доканчивая на ходу кулебяку, он повел Ардова по Полторацкому переулку в «Вяземскую лавру» – средоточие распутства и гнили столичного города. В здешних трущобах ютились последние подонки общества, а сбатарии²⁶, не опасаясь облавы, прямо среди бела дня обделывали свои грязные делишки. Соваться сюда приличному человеку было небезопасно, и уже сразу после арки у Конторского флигеля к непрошеным визитерам метнулась пара гольцов²⁷, но Чептокральский ловко отначил их буквально одной фразой, которую Ардов не расслышал. Пройдя вдоль длинного двухэтажного здания, в нижнем этаже которого гудел знаменитый каба́к Никанорихи, Чептокральский нырнул за низенькую дверку хлипкой пристройки и увлек Илью Алексеевича по темным коридорчикам, опускавшимся все ниже и ниже. Когда сыщик уверился было, что они окончательно заблудились, Чептокральский остановился у подвальной двери и стукнул условным стуком. Дверь тут же отворилась, и в тусклом свете появилось обезображенное глубоким шрамом свиное лицо бородатого великана.

– Костя знает, – тихо проговорил Чептокральский.

Великан молча пропустил Ардова внутрь и тут же задвинул засов, оставив провожатого за дверью. Подняв над головой красный фонарь, он молча стал спускаться по ступеням. Илье Алексеевичу ничего не оставалось как отправиться следом. Миновав еще пару дверей, они наконец очутились в устланном циновками подвале со сводчатым потолком, освещенном множеством японских фонарей-окиандонов в бумажных абажурах. За бамбуковыми ширмами угадывались многочисленные двери. В зале стоял прохладный запах криптомерии²⁸, уравновешенный мягкими цитрусовыми нотками.

На топчане у стены в подушках под балдахином восседал Костя Данго – молодой красавец с миндалевидными глазами на смуглом лице. По дороге в «лавру» Чептокральский успел сказать о нем несколько слов. По слухам, юность Костя провел в Японии, где наловчился выдавать себя за гейшу и во время чайных церемоний в отелях и ресторанах обчищал карманы состоятельных клиентов. По другой версии, Костя нарядился гейшей лишь однажды, когда надо было получить доступ к главе клана якудзы по заказу конкурентов из соседней префектуры. Что в этих слухах было правдой, а что нет – никто не знал, но любовь Кости Данго ко всему японскому была общеизвестна. Да и сама кличка его – Данго – означала японскую конфету²⁹.

– Устраивайся, Илья Алексеевич, – произнес хозяин подвала мягким бархатистым голосом и указал на подушки с противоположной стороны низкого столика, где он завершал приготовление чая в расписанных иероглифами сосудах. Особым бамбуковым венчиком Костя медленно размешивал только что залитый в чашу кипятком, взбивая матовую зеленоватую пену.

– Слышал о тебе небылицу, будто бы ты все помнишь и ничего забыть не умеешь.

– Почему же небылицу, – скинув обувь, как можно увереннее ответил Ардов и устроился в подушках у столика.

– И что же, можешь доказать?

---

²⁶ Преступник, вор (*блатн.*).

²⁷ Несовершеннолетний преступник (*блатн.*).

²⁸ Вечнозеленое дерево семейства кипарисовых, называемое также японским кедром.

²⁹ Данго – японский десерт в виде политых сладким соусом шариков из рисовой муки, нанизанных на деревянную палочку.

Илья Алексеевич полез в карман, что вызвало беспокойное движение великана у него за спиной. Костя одним взглядом остановил телохранителя и указал на дверь. Тот, поклонившись, вышел. Илья Алексеевич тем временем извлек блокнот и протянул Косте. Следом на столик лег карандашик в серебряном оплетье.

– Напишите семь рядов двузначных чисел по семь в каждой строке.

Костя подал Илье Алексеевичу наполненную чашку, а сам принялся чертить в блокнотике знаки, позаботившись, чтобы его старания надежно скрывала обложка. Закончив, он поднял глаза на гостя.

– Покажите мне цифры ровно на пять секунд.

Костя исполнил просьбу.

– Теперь проверяйте.

Илья Алексеевич начал монотонно оглашать числа. Костя следил по блокнотику со все возрастающим восторгом. Потом Ардов с такой же легкостью повторил числовой ряд в обратном порядке. Потом, уже по просьбе Кости, назвал только те знаки, что стояли в третьей колонке. Потом – по диагонали...

Ардов знал, что этот трюк производит впечатление. Ему это не стоило никакого труда: запечатленные на странице блокнота цифры так и оставались висеть перед его взглядом, слегка подрагивая в воздухе. Более того, каждая светилась своим особым светом: пятерка была синяя, двойка – зеленой, тройка поблескивала красным...

– Пропустил! – вскрикнул Данго.

Ардов смутился.

– Тройку не назвал! Пропустил! – пояснил Костя.

– Виноват, не заметил, – пробормотал Илья Алексеевич.

Красная тройка слилась с красным же отворотом на халате Кости, отчего Илья Алексеевич ее попросту не заметил.

– Ну ты даешь, Илья Алексеевич, – протянул Костя, когда эксперимент закончился. – Не соврал чудачек³⁰ – газетчик – память волшебная... Тебе бы с такой памятью в стиригоны³¹ податься.

– Деньги – не главное, Константин Артамонович.

– Однако ж ты ко мне пришел. А у меня деньги – вроде как профессия.

Действительно, нынешняя специализация Кости была «блинопек», то есть фальшивомонетчик. Причем считался он в этом деле мастером самой высшей квалификации, за что пользовался чрезвычайным авторитетом у самых крупных воротил преступного мира.

– Насколько мне известно, вы российские банкноты не подделываете, так что по моей части к вам претензий не будет.

Костя удовлетворенно хмыкнул – фараон³² оказался со смекалкой.

– Да, – отпил он из своей чашки, – кугэсацу³³ куда безопасней!

Костя откинулся к стене и прикрыл глаза. Ардов терпеливо ждал разрешения перейти к вопросу, ради которого он и просил Чептокральского устроить встречу.

– Ну так что за дело у тебя ко мне, Илья Алексеевич? – наконец спросил Константин Артамонович, вероятно решив, что сыщик прошел проверку. Илья Алексеевич начал, едва сдерживая накатившее волнение:

– Пять лет назад в России появились фальшивые кредитные билеты 25-рублевого достоинства образца 1887 года. Вот такие.

---

³⁰ Интеллигентный человек (*блатн.*).

³¹ Картежник (*блатн.*).

³² Полицейский (*блатн.*).

³³ Японские бумажные деньги, выпускавшиеся аристократией императорского двора в Киото и имевшие ограниченное хождение.

Он достал из бумажника и протянул несколько банкнот. Костя взял и даже начал рассматривать, хотя внимательный взгляд мог отметить, что смотрел блинопек мимо.

– Я бы хотел знать, кто их изготовил.

Костя еще какое-то время помял в пальцах кредитные билеты.

– Ого, Илья Алексеевич! – улыбнулся он, показав безупречные зубы. – Аппетит у тебя, прямо скажем, царский...

Ардов не нашелся с ответом, потому промолчал. Просьба и вправду выглядела наглова-той, если принять во внимание все обстоятельства.

– А что это тебя старые «сашеньки» заинтересовали? Дело давнее, сколько лет уж про-шло.

Костя вернул банкноты и опять сделал глоток. Он старался держаться как можно вальяж-нее, но волнение передалось и ему.

– Эти билеты я нашел в деле своего отца. Его убили. Полагаю, предыдущий следователь вышел на след убийцы и фальшивые ассигнации имеют к нему какое-то отношение.

Потертую папку с надписью «Дѣло объ убійствѣ титулярного совѣтника А. А. Ардова и его супруги» Илья Алексеевич обнаружил чуть более месяца назад в подвале третьего участка Спасской части, куда тайно пробрался однажды вечером, незаконно завладев клю-чами от архива. Ради этой папки он и вернулся в Петербург, когда узнал из письма своего приятеля Саши Баратова, что следователь Горбоносов, занимавшийся делом отца, попал под карету и скончался. На это внезапно освободившееся место Ардов и поступил, впечатлив при-става Троекурова не столько аттестатом Цюрихского университета, сколько рекомендатель-ным письмом обер-полицмейстера. Завладев папкой, Илья Алексеевич каждый вечер пере-бирал доставшиеся ему бумаги у себя в квартире на Садовой. Две комнаты во флигеле над мелочной лавкой он снял по возвращении, не желая селиться в семейном особняке, где без малого пять лет назад обнаружил труп батюшки, его супруги и верного лакея Нилыча. Каждую из этих бумаг Ардов мог без труда вызвать в памяти и рассмотреть в мельчайших деталях, но каждый вечер перед сном он садился на кровати и подолгу смотрел на стену, где были при-кноплены все имеющиеся по делу материалы. Переводя взгляд от одного документа к другому, он пытался нащупать ниточку, способную вывести к преступнику.

– погоди, так Алексей Ардов – твой батюшка, что ли? – удивился Костя.

– Да. Он служил в казначействе.

Костя опять задумался.

– Слушай, Илья Алексеевич... А зачем тебе правду-то знать? Отца уже не вернуть... Как бы ты своим интересом новую беду не накликать.

Только сильное волнение, жужжание невидимых насекомых и кислый вкус винного укуса во рту помешали Илье Алексеевичу заметить, что собеседник явно осведомлен о связи фальшивых «сашенок» со смертью чиновника из казначейства.

– Человек, убивший отца, все еще на свободе, – пояснил Ардов свою настойчивость. – Он должен понести наказание...

Илья Алексеевич извлек из манжеты на левом запястье стеклянную колбочку, сбросил на ладонь пару белых крупинок и отправил их в рот. Костя с интересом наблюдал за необычной процедурой.

– Смажу твоего фетера наверняка залетный лейгер без понятия справил. Взял за то аржан и отвалил. Тебе надо бы жожака взнахопырить...

Илья Алексеевич мысленно полистал «фартовый словникъ» – засаленную брошюрку, полученную в дар от Жаркова в первые же дни работы в участке – там были собраны особые воровские словечки с переводом на язык обывателя. С этим словником туманное высказыва-ние Кости обретало смысл – получалось так: «Убийство твоего отца наверняка совершил непо-

священный в детали наемник – взял деньги и скрылся. Следует искать того, кто спланировал это преступление».

– Кое-что о нем мне уже известно, – горячо согласился Илья Алексеевич, рассосав пилюльки. – Человек, стоявший за этим убийством, носит трость с серебряным набалдашником в виде головы дракона с крупной зеленоватой горошиной за зубами.

Костя тяжело вздохнул.

– Нет, Илья Алексеевич... Такого не знаю... И саргу эту липовую³⁴ первый раз вижу. Извини – у тебя свои заботы, у меня – свои...

В это время из каретного сарая во дворе особняка на Итальянской улице вышел Касьян Демьяныч Костоглот. Вид у него был горячий и растрепанный. Он приложил платок к сбитым костяшкам пальцев правой руки и скривил рот – ссадины саднили. Следом вышел конюх Егор с какими-то бумагами в руках.

– Прикажете в холодную, Касьян Демьяныч?

– Отпусти, – глухо ответил коммерции советник, взял бумаги и просмотрел. – Может, показать кому?

Костоглот метнул в сторону конюха бешеный взгляд.

– Помалкивай, дура!

Касьян Демьянович подозвал рябого кучера и велел отправлять экипаж к театру.

---

³⁴ Сарга липовая – фальшивые деньги (*блатн.*).

Глава 8. Письмо

Полный лысоватый чиновник третьего отделения Спасской части Облаухов принимал жалобы посетителей, потягивая из стакана жидкий чаек. Рядом дремал филер Шептульский, по сивушному духу которого было понятно, что на лекарство его дорогая супруга могла сегодня не рассчитывать. Очередная посетительница сбивчиво рассказывала, как, завидев у своего дома оборванца, выпрашивающего милостыню, не ограничилась денежной подачей, но выбрала из гардероба мужа порядком изношенный жилет и вынесла попрошайке.

– Весьма похвальная сердобольность, – отозвался Облаухов, не очень-то вникая в детали повествования.

После возвращения мужа со службы выяснилось, что означенный жилет представлял собой тайное казнохранилище и в его карманах покоилась весьма крупная сумма денег.

– Какая? – встрепнулся филер.

Женщина назвала. Сумма и вправду была немалая. Кузьма Гурьевич хотел было затребовать описание нищего, но в этот момент в участок вошел Ардов, и филер бросился к нему навстречу.

– Илья Алексеевич, проследил! – горячо зашептал Шептульский. – Проследил за вашей барышней. Интересная, доложу я вам, особа. Я в клуб заглянул, поинтересоваться, так сказать, почем нынче берут за обучение шары катать. А она как раз конвертик припрятывала.

С этими словами Кузьма Гурьевич достал из-за пазухи и протянул измятый конверт. Ардов извлек лист бумаги с наклеенными буквами, вырезанными из газетного заголовка. Шептульский заглянул ему через плечо и прочитал послание:

– «Я знаю твою тайну. Исполни мою волю, или пожалеешь».

Филер торжествовал. Конечно, смысл фразы был совершенно неясен, но Шептульский все равно был уверен, что доставил сыщику главную улику преступления.

– А куда она отправилась из клуба? – поинтересовался Илья Алексеевич.

– В «Аквариумь». Служит артисткой. Сегодня дают одноактную «Мышеловку», потом оперетку «Прекрасная Елена» и дивертисмент³⁵.

Илья Алексеевич вспомнил, что сегодня утром на столе Костоглота среди газет и конвертов он видел программку театра «Аквариумь» – именно на нее была поставлена серебряная табакерочка.

Кому адресовано послание? Если Найденовой, то ей явно угрожает опасность! Возможно, вчера она стала свидетельницей преступления в клубе, и теперь преступник требовал от нее молчания – что еще может означать это «исполни мою волю»?

Ардов обернулся к столу Облаухова. Тот заканчивал записывать приметы злополучного жилета, который выходил совершенно обыкновенным, черным с серой полоской – такой можно было купить на любой толкучке копеек за пятьдесят.

– Константин Эдуардович, а вы чай с сахаром пьете?

Облаухов отвлекся от жалобщицы и насторожился.

– С сахаром, – осторожно подтвердил он.

– Вы что же, бросили диету Бантинга?

– Какую еще диету?

– Вы разве не по ней худеете? Результат вполне обнадеживающий!

Облаухов смутился. Как всякий тучный человек, он, конечно, постоянно искал способы потери веса, становясь безвольным пленником каждой новой рекламы очередного средства для похудения. Чего только не испытал на себе несчастный организм Константина Эдуардовича!

---

³⁵ Увеселительная программа из концертных номеров.

Слабительные, очистительные, мышьяк, стрихнин, стиральная сода, английская горькая соль – результаты были едва различимы. Тем неожиданней было услышать от чина сыского отделения, что его усилия наконец-то воплотились в какую-то заметную постороннему глазу форму.

– Вот именно этот метод я еще не пробовал, – смутившись, признался Константин Эдуардович.

– Ну как же! Уильям Бантинг! Его труд «Письмо о тучности» сейчас весьма популярен в Европе. Он сам успешно сбросил 20 килограммов и доказал вред еды, содержащей много сахара и крахмала.

Облаухов с чувством стыда оглядел стакан чая на своем столе.

– Если хотите, я вам принесу.

– Был бы очень признателен, – кротко ответил чиновник.

Ардов вернул конверт Шептульскому и направился к выходу, на ходу попросив филера снести улику Жаркову на экспертизу.

– Слушаюсь, – выкрикнул Кузьма Гурьевич.

Вид у него был такой напряженный и героический, словно он находился под артиллерийским обстрелом в самом эпицентре адской бойни.

У самого выхода Ардов обернулся, словно что-то припомнил:

– Константин Эдуардович, а куда отправили букеты?

Облаухов изобразил любезную улыбку, не успев понять смысла вопроса. Удивил вопрос и филера.

– Ну те, что были изъяты давеча у Махалкиной. Которая без свидетельства торговала.

– Известно куда, – с каким-то неуместным смущением ответил Облаухов, обменявшись взглядом с Шептульским. – Оскар Вильгельмович велели поместить на склад временного хранения.

– Не могли бы выдать мне один?

– Инструкция на сей счет не предусматривает, так сказать... – деликатно возразил Константин Эдуардович, хотя по интонации было понятно, что стоять насмерть за эти улики он не станет.

– Все равно ведь завянут! – улыбнулся Илья Алексеевич.

Шумно выдохнув, Облаухов встал и, повелев просительнице обождать, отправился по коридору на склад.

Глава 9. «Аквариумъ»

Подбежав к зданию театра, Илья Алексеевич заметил среди множества экипажей уже знакомую лакированную карету на желтых колесах со щербатым кучером на облучке, который как раз подавал прикурить проходившему мимо упитанному господину в котелке. Ардов остановился у афишной тумбы, на всякий случай прикрыв лицо букетом.

По пути в голове Ильи Алексеевича забрезжили очертания новой версии. А что, если эта Найденова сама взялась шантажировать убийцу? Тогда смысл письма становился гораздо понятней: «я знаю твою тайну» – о самом убийстве, «исполни мою волю» – требование платы за молчание, «или пожалеешь» – угроза донести в полицию.

Вокруг тумбы, заклеенной афишами с грядущей премьерой «Уриэля Акосты», набрался народ. Юноша в студенческой тужурке с горящими глазами уверял спутницу, что это безоговорочно выше «Гамлета», поскольку пьеса Гуцкова воспитывает в массе чувство гуманности и симпатию к свободной мысли. Голубоватый голос молодого театрала имел дух подтухшей рыбы. Вступивший в диспут пожилой джентльмен с кофейным баритоном, к которому примешивался запах плавленого сургуча, поделился известием, что в Москве пьеса уже поставлена на сцене Охотничьего клуба, где роль философа-бунтаря, как говорят, неплохо играет некий Станиславский, который сам же и поставил спектакль по заказу Общества литературы и искусства.

Ардов отошел от тумбы, чтобы сосредоточиться. Положим, письмо до Костоглота не дошло – перехватил Шептульский. Но Найденова могла уведомить его и другим способом. И если гипотеза верна, то в костоглотовской карете шантажистке прямо к театру привезли требуемую сумму.

«Ах, как неосторожно! – едва не произнес вслух Ардов, увидев Варвару Андреевну, выпорхнувшую из служебного подъезда театра собственной персоной. – Как же она так в открытую себя выставляет! Ведь преступник теперь будет знать ее в лицо и вполне может прикончить для верности!»

Тем временем актриса подбежала к экипажу в английской упряжи, легко вскочила на подножку и, кивнув кучеру, исчезла внутри. В то же мгновение карета рванула с места. Илья Алексеевич растерялся. Такого кунштюка³⁶ он никак не ожидал. Он скривился от вкуса жидкой смолы, растекшейся по языку, и поспешил проглотить пилюльку из колбочки. «Вероятно, одноактная пьеса закончилась, – отметил он про себя, – а на дивертисмент она не осталась».

Ардов огляделся. Что теперь делать? Отправляться в погоню? Понятно и так – карета остановится у роскошного особняка на Итальянской улице с окнами на Фонтанку. Ворваться туда с требованием оставить Варвару Андреевну в покое? Глупость несусветная. В конце концов, она отправилась добровольно и пока никаких улик против Костоглота не имеется – одни подозрения. Постояв, Илья Алексеевич направился к театральному подъезду, выставив вперед пучок маргариток.

– Виноват, ищу актрису Найденову, – воскликнул он, отбивая букетом предмет дамского гардероба, вместе с визгом полетевший в него из недр первой же гримуборной, дверь которой он отворил наугад.

Со сцены доносились бравурные звуки оперетты Оффенбаха. Переведя дух, сыщик сделал несколько шагов по коридору и распахнул следующую дверь.

– Нижайше прошу прощения, актриса Найденова не здесь?

От гримерного стола к Ардову обернулся корпулентного вида спартанский царь Менелай в выкрашенных золотой краской доспехах из папье-маше и плетеных сандалиях. Он как раз

---

³⁶ Ловкий прием, фокус (от нем. kunststück).

прилаживал себе на подбородок пышную бороду. От флакона с клеем тянуло пряным древесным духом, похожим на коньячный. У соседнего столика сидел грустный молодой человек и листал журнал «Театр и искусство». Это был артист Лянин.

– Вижу, что не здесь... – пролепетал Илья Алексеевич. – Хотел выразить признательность...

– Укатила ваша Найденова со своим ухажером, – весело сообщил Менелай горячим песочным голосом.

– Ваши гнусные домыслы отвратительны! – визгливо вступил Лянин. Кажется, он был нетрезв.

Ардов отметил, что в облике молодого человека было что-то неуловимо знакомое.

– Простите, не могу распознать, а вы какую роль сегодня исполняли?

Пьесу-шутку в одном действии «Мышеловка» драматурга Щеглова, допущенную к представлению 27 февраля 1896 года за номером 2303, Ардов мысленно пролистал, пока ехал на извозчике, – она была опубликована в третьем номере «Нивы»: меркантильная мадемуазель Клёпа пыталась женить на себе перспективного адвоката с наследством, используя его любовь к театральному искусству. Клёпу, надо полагать, играла Найденова.

– Ах да, неужели адвоката Веняминова?

– Вольдемар, это же успех! – воскликнул царь Спарты. – Тебя не узнали! Какой неоцененный талант! Какая глубина перевоплощения! – Обернувшись к Ардову, он уточнил: – Валентин играет вторую мужскую роль, Погуляева.

Менелай насадил на голову шлем и стал протискиваться к выходу. Он явно иронизировал над младшим коллегой.

– Виноват, вынужден отлучиться, дабы позаботиться о восстановлении супружеской чести, – похохатывая, уведомил он сыщика. – Этот мерзавец Парис уже умыкнул, с позволения сказать, мою распутную женушку из Спарты.

– По какому поводу интересуетесь? – с вызовом спросил Лянин, когда царь оставил гри-мерку.

– Я писатель, – неожиданно для самого себя выпалил Илья Алексеевич. – Драматург. Написал пьесу, хотел предложить ей главную роль.

– Вот как? – Лянин встал и пошатнулся. – И как называется ваша пьеса?

– «Трехбортовый карамболь», – как можно невиннее сообщил сыщик.

– По-моему, довольно глупое название.

Было заметно, что внутри у молодого человека все клокотало и он искал повода, чтобы выплеснуть страсть.

– Там и для вас роль есть, – добавил Илья Алексеевич, с интересом ожидая дальнейших действия господина артиста.

– Премного благодарен – не нуждаюсь!

– Как знаете, – пожал плечами Ардов и положил букет на столик.

– И выглядите вы довольно глупо, господин писатель! – дерзко выкрикнул Лянин и приблизился к сыщику вплотную.

– Ну, по крайней мере, я не пугаю прохожих фальшивой бородой, – холодно проговорил Илья Алексеевич, не мигая глядя в глаза несчастному воздыхателю.

Лянин растерялся и зашевелил губами как рыба, не сразу найдя что ответить.

– Это не ваше дело! – наконец выкрикнул он. – Если вы еще раз заявитесь сюда с этим пошлым букетом, предупреждаю – будете иметь дело со мной! Я запрещаю вам, слышите?

Развернувшись, Ардов медленно вышел из уборной и отправился по коридору. Со сцены доносился тенор царя Спарты: «Я Менелай благородный, лай благородный, лай благородный. Все – мои друзья». «И все – его друзья», – тут же подтвердил хор. «Живется мне превосходно, не превосходно, не превосходно. Муж Елены я...»

В гримуборной растрепанный артист схватил оставленный Ардовым букет и яростно затолкал его в корзину для мусора. Потом повалился на гримерный столик и зарыдал.

Глава 10. Деловое предложение

На ужин Илья Алексеевич отправился к Баратовым. Шура был в ударе. Выложив все последние сплетни Министерства иностранных дел, где он, по собственному признанию, весьма патриотически протирал штаны, молодой человек вдруг хлопнул себя по лбу:

– Совсем забыл! У меня же к тебе деловое предложение!

Илья Алексеевич с опасением взглянул на друга.

– Ты же у себя в полиции сталкиваешься с преступниками, верно?

Ардов кивнул.

– Наверняка среди них попадают и те, которым присудят смертную казнь, так?

Еще не понимая, куда клонит собеседник, Илья Алексеевич высказался обтекаемо:

– Уложение о наказаниях предусматривает смертную казнь за умышленное убийство, изнасилование, разбой, грабеж, уничтожение чужого имущества...

– И только после высочайшего рассмотрения приговора, – сочла нужным вставить Анастасия Аркадьевна.

– Отлично! – воскликнул Шура. – Просто замечательно!

– Если же имеются смягчающие обстоятельства, то смертная казнь заменяется каторгой, – добавил Ардов, желая вслед за княгиней подчеркнуть наличие гуманистического духа в законе.

– Теперь же слушайте мою историю! – нетерпеливо начал Шура. – Недавно в Англии одного преступника приговорили к повешению. Явившись на эшафот, он потребовал исполнения права, данного каждому перед казнью, а именно – сказать несколько предсмертных слов собравшимся. Ему, естественно, разрешили. Он сам сунул голову в петлю и, когда площадь замерла, в полной тишине проорал во все горло: «Лучшие пирожные на Пиккадилли, 162!»

Последнюю фразу Шура прокричал что есть мочи, изображая самого этого преступника с петлей на шее, и захохотал, будучи более не в силах сдерживать восторг, который вызывала в нем эта история.

Княгиня и Ардов переглянулись.

– Его казнили? – на всякий случай уточнил Илья Алексеевич.

– Палач тут же столкнул его с пьедестала! – все еще продолжая хохотать, ответил Шура и взмахнул рукой.

– Странно... – промолвила Анастасия Аркадьевна. – Зачем было выкрикивать перед смертью эдакую глупость?

– Неужели не ясно? – удивился молодой князь, потихоньку приходя в себя. – Этот преступник получил обещание от хозяина кондитерской заплатить родственникам десять тысяч фунтов!

Анастасия Аркадьевна все еще не понимала смысла истории.

– Это же реклама, *mère*³⁷! – протянул Шура. – Как сказал Людвиг Метцль, «объявление – двигатель торговли!». Теперь этот магазин известен всему Лондону! Он у всех на устах. Представь сама: единственные слова, которые услышала толпа перед казнью, – адрес, где делают лучшие пирожные в городе. Разве тебе не интересно было бы проверить, прав ли преступник? Хотя бы просто для того, чтобы отдать дань выдумке и изобретательности этого кондитера!

– Какой ужас.

– Да почему ужас? Если не своей бестолковой жизнью, то хотя бы смертью преступник принес пользу родным.

– У нас это невозможно, – сказал Ардов.

---

³⁷ Матушка (*фр.*).

– Почему это? Я уже договорился с кондитерским магазином Вольфа, они согласны попробовать. Сумма небольшая, но для первого раза...

– Я не позволю, – строго произнесла княгиня.

– Да почему?! – Шура вскочил из-за стола. Он никак не ожидал, что эта забавная история будет воспринята близкими так непримиримо. – Настает новое время, оно требует новых идей. Скоро заработать состояние можно будет исключительно умом, а не только лишь продав нечто за цену, превышающую издержки производства, – запальчиво проговорил молодой человек, демонстрируя неплохую осведомленность в вопросах сущности прибыли и процента, изложенных в «Капитале» Маркса.

Он хотел добавить что-то еще, но Ардов успел вставить важное уточнение:

– У нас публичное исполнение смертной казни запрещено.

Шура выдохнул набранный было в легкие воздух, который намеревался потратить на новый пассаж.

– Вот уже пятнадцать лет как, – закончил Илья Алексеевич.

Шура молча вернулся за стол, заправил салфетку и как ни в чем не бывало продолжил терзать бифштекс. Единственный наследник княжеской фамилии вовсе не был глупым, напротив – обладал и умом, и сообразительностью, был начитан, образован, наблюдателен, не пребывал в плену иллюзий насчет суровой правды жизни, мог при необходимости проявить и расчетливость, и даже цинизм, а то и удивить совершеннейшей беспринципностью. Вместе с тем в душе его сохранялись какая-то наивная восторженность и почти детская легкомысленность, которые он привык легко пускать в ход, зачастую создавая у окружающих превратное о себе представление, что, впрочем, умело обращал на пользу – с глупыми, как известно, меньше таятся. Эмоции никогда не брали над ним полного верха и не могли помешать критически оценивать происходящее в самых напряженных обстоятельствах. Вероятно, это качество перешло ему от матери, Анастасии Аркадьевны, которая тоже с легкостью ввергала себя в состояние наивной простоты, умея при этом сохранять и остроту взгляда, и трезвость мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.